

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a dark, cavernous space with a large, glowing blue portal in the center. The portal is framed by a circular archway containing intricate, glowing symbols and patterns. A bright beam of light shines down from the top of the portal. In the foreground, a person in a dark, hooded cloak stands on a rocky, uneven surface, looking towards the portal. On either side of the portal, there are several tall, slender, hooded figures standing in a row, looking towards the center. The overall color palette is dark with prominent blue and white highlights from the portal's light.

Юрий Шабунин

--Книга 2
Петля
Вечности

ВЕРО

Благородство каройоходской вечности

Юрий Шабунин

--Книга 2 Петля Вечности

<https://litres.ru/74297248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир пережил Великую Заморозку. Лёд отступил, но Айя слышит то, чего не слышит никто: Шум — многоголосый хор вероятностей, из которого соткана реальность. Её наставник, Первый Осознавший Каин, знает: этот дар — ключ к тайне мироздания. Древний монолит запускает цепь событий, и Айя отправляется в путь через пять Якорей — от Обители несбывшихся жизней до Сингулярности, где «я» растворяется в вечности. Это путешествие внутрь себя и к сердцу Петли — бесконечного цикла, в котором каждая душа учится выбирать, помнить, принимать тьму и возвращаться к единству. «Петля Вечности» — философская фантастика о любви, смерти и свободе, сплетённая в сакральный текст, который звучит как обещание: ты не один, и ничто не исчезает бесследно. VERO — это мы.

Содержание

Глава	4
Петля Вечности	5
Грань первая.	5
Пролог	11
Глава 1.	21
Шум	22
Грань вторая.	34
Слежка	35
Глава 2.	42
Море	43
Глава 3.	53
Сад	54
Глава 4.	64
Тень	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий Шабунин

--Книга 2 Петля Вечности

Глава

Книга 2

Петля Вечности

Грань первая.

Из Кодекса VERO: Книга Осколков

(фрагменты, восстановленные Хранительницей Петли из видений Риши Первого Цикла. Текст повреждён, многие фрагменты утеряны безвозвратно. Читай то, что осталось.)

1.

Прежде чем время сделало первый вдох, прежде чем свет отделился от тьмы — была только VERO. Не та, что ты знаешь теперь. Тогда Она была цельной. Не было ничего вне Её, и не было ничего внутри, потому что не было самого «внутри».

Это состояние древние называли Покоем.

Но совершенство — это не конец. Совершенство — это приглашение.

2.

...[фрагмент утерян]...

...внутри совершенного Покоя возникло движение. Не бунт. Просто вопрос. Самый первый, самый тихий:

«А что если?..»

И в этом вопросе Единая VERO словно выдохнула — одна часть Её осталась в покое, а другая отделилась, чтобы искать ответ.

Они не были врагами. Они были партнёрами в танце, который только начинался.

То, что ты называешь «массой», — это мера вопроса, который несёт в себе частица. Чем глубже вопрос, чем дальше она отошла от Покоя, тем тяжелее её бремя. Но тяжесть эта — не проклятие. Это цена, которую платит реальность за право существовать.

3.

...[фрагмент утерян]...

...время — это передача данных между частицами реальности. Каждое «я здесь» занимает один цикл. Чем больше частиц — тем плотнее реальность, тем медленнее течёт время.

Вот почему возле чёрной дыры время замирает.

Вот почему для луча света, летящего сквозь пустоту, его нет вовсе. Свет не стареет — потому что ему не с кем говорить.

Вот почему, когда ты ждёшь любимого, минуты тянутся как часы. А когда ты счастлив, время исчезает.

...[фрагмент утерян]...

4.

Каждая VERO, ушедшая от Покоя, хочет вернуться. Когда множество таких частиц собираются вместе, их коллективное стремление создаёт силу.

Это и есть гравитация.

Не сила притяжения масс. Не искривление пространства. Гравитация — это тоска по дому.

Любовь — это тоже гравитация.

Вот почему разлука тяжела.

Вот почему утрата ощущается как падение.

...[фрагмент утерян]...

5.

...[почти полностью утерян. Сохранилась только последняя строка:]...

...чёрная дыра — это не палач. Это материнская утроба, в которой все вопросы находят свои ответы.

Но так ли это?

...[фрагмент утерян]...

6.

Ты — не одна душа. Ты — собрание. Триллионы VERO, прошедшие через огонь звёзд и холод пустоты, через жизни растений, животных, других людей, — собрались в тебе.

Твой страх — это голос тех VERO, что когда-то были ра-

нены.

Твоя радость — это танец тех, что нашли временный покой.

Твоя любовь — это гравитация, которая держит собрание вместе.

Когда ты умрёшь, собрание будет распущено. Твои VERO разойдутся — каждая со своей памятью, каждая со своим вопросом. Они пройдут через очищение и станут частью других существ.

Но то, что ты называешь «собой», не исчезнет.

Оно просто перестанет быть отдельным.

...[фрагмент утерян]...

7 .

...[последний фрагмент. Сильно повреждён. Сохранились только разрозненные строки:]...

...ТЫ здесь, чтобы задавать вопросы...

...каждый твой выбор добавляет новую нить...

...ТЫ не ошибка...

...[конец сохранившегося текста]...

Примечание Хранительницы Петли, добавленное при расшифровке:

Я восстановила всё, что смогла. Многие фрагменты утеряны безвозвратно — возможно, так и было задумано.

Риши, оставивший эти видения, говорил, что истина не должна быть полной. Полнота истины оставляет разум без работы, а душу — без поиска.

То, чего здесь нет, важнее того, что здесь есть. Ищи не в тексте. Ищи в паузах между текстом.

Там — твой путь

.

Пролог

(Книга открывается примечанием, написанным от руки на внутренней стороне обледенелой обложки)

Примечание Хранительницы Петли:

Тот, кто читает это сейчас, — не важно, в каком теле, в каком времени, — знай: человек, который первым протянет тебе эту книгу, пришёл в твою жизнь не случайно. Он думает, что нашёл тебя. Он ошибается лишь в одном. Береги его. Он не знает. И должен узнать сам. Не раньше, чем ты дойдёшь до Горизонта.

Туннель дышал холодом.

Не тем, что выстужает тело до дрожи — к такому Каин привык давно, сорок семь лет назад, когда впервые спустился под лёд, ещё не зная, что ищет. Этот холод был другим — сухим, стерильным, звенящим. Таким, в котором мысли становятся прозрачными, а время замедляется. Каждый выдох превращался в облачко пара и застывал в воздухе, словно забывая растаять.

Фонарь в его руке дрожал.

Он посмотрел на свою руку — старую, узловатую, с набухшими венами и пятнами, которые доктор называл «возрастной пигментацией», а сам Каин про себя называл «отметинами о том, что срок годности истекает». Рука дрожала. Не от слабости, не от холода. От предчувствия — того самого, которое не обманывает никогда.

Он уже собирался сделать следующий шаг, когда воздух в туннеле изменился.

Сперва пламя фонаря качнулось в сторону, хотя сквозняка не было. Потом стены потеряли чёткость, будто их затянуло маревом. А затем из глубины пополз звук — не тот, что слышат ушами. Тот, что слышат костями. Низкий, вибрирующий гул, состоящий из тысячи обрывков: чей-то плач, чей-то смех, обрывок фразы на мёртвом языке, детский крик, внезапно обрубленный.

Шумовая буря.

Каин узнал её мгновенно. За сорок семь лет он попадал в них пять раз — и каждый раз выбирался не вполне тем же человеком, что входил. Буря не убивала тело.

Она убивала сознание, подменяя воспоминания, вплетая в разум чужие жизни, чужие страхи, чужие смерти.

Из марева выступила фигура.

Женщина. Высокая, с тёмными волосами, тронутыми сединой на висках. Лира стояла в десяти шагах от него, и её глаза, живые, тёплые, смотрели прямо в его.

— Ты опять обманываешь себя, старик, — сказала она. — Десять раз ты думал, что нашёл то самое. И каждый раз — обломок.

Каин закрыл глаза. Он знал: это не она. Знал, что буря захватывает образы из его же памяти и лепит из них приманку. Знал, что если он ответит, если сделает шаг, если позволит себе хоть на мгновение поверить — буря затянет его в лабиринт ложных вероятностей, из которого нет выхода.

Но знание не отменяло боли.

Он сделал то, чему научился сорок лет назад: заземлился. Представил, что из его ступней в камень уходят корни. Представил, что каждая частица его существа встаёт на место, как солдаты в строю.

И медленно, очень медленно, нажал большим пальцем на шрам у основания ладони.

Боль была настоящей. Острой. Отрезвляющей.

Фигура Лиры дрогнула. Пошла рябью. Растворилась в мареве, оставив после себя только тихий, угасающий отзвук — не голос, не слово, почти что вздох. А потом и марево рассеялось. Стены туннеля снова стали твёрдыми. Фонарь перестал дрожать.

Каин выдохнул и открыл глаза. Он был один.

Он опустился на колени. Суставы отозвались острой, хорошо знакомой болью — левое колено, повреждённое в первую Заморозку, помнило всё. В сырую погоду ныло, в холодную — стреляло, а в самую неподходящую минуту напоминало о себе с той особой, унижительной настойчивостью, на какую способно только собственное тело.

Ниша открылась не сразу.

Сперва — тень на стене, которую можно было принять за игру света. Потом — едва заметный контур, расходящийся от центра правильными, слишком правильными для природы линиями.

Рукотворный. Древний. Замаскированный под случайность с искусством, которое не оставляло сомнений: тот, кто это сделал, знал, что делает.

Фонарь погас.

Темнота наступила мгновенно — та особенная, подземная темнота, которая не просто скрывает предметы, а словно упраздняет само понятие зрения. Каин не шелохнулся. Он стоял на коленях в сердце чужой, внимательной тьмы и чувствовал, как она обступает его — не угрожая, но и не отпуская.

Он запустил руку в нишу. Пальцы коснулись переплёта.

Тепло было первым, что он почувствовал. Не то тепло, что греет кожу. Другое. Оно шло изнутри предмета, как будто книга сама была живой, и её жизнь пульсировала под обложкой тихим, ровным ритмом. Тепло поползло по запястью — медленно, пробуя, словно спрашивая разрешения. Поднялось к локтю. Достигло плеча и на мгновение замерло, как путник, остановившийся перед закрытой дверью.

И тогда он услышал это.

Мелодию. Тихую, едва уловимую. Три ноты — всего три, — но они складывались в мотив, который он не слышал больше сорока лет. Лира напевала его в тот самый вечер — последний, когда они сидели на крыше старого бункера и смотрели, как ледяной фронт наползает с севера. «Это ста-

рая колыбельная. Говорят, тот, кто её слышит, никогда не потеряется». Он тогда засмеялся — молодой, глупый, уверенный, что никакая колыбельная не спасёт от холода.

Теперь эта мелодия звучала из книги, которую он держал в руках.

— Входи, — прошептал Каин. Голос сорвался. — Входи.

Тепло качнулось — и хлынуло внутрь.

В груди что-то разжалось. Не мышца, не клапан — что-то другое, чему не было названия. Но теперь, на каком-то добуквенном, телесном уровне, он почувствовал, что и сам он — не один. Не в смысле воспоминаний или присутствия предков. А в самом прямом, физическом смысле: каждая его частица, несущая вопрос, держала за руку другую, несущую ответ. Он был собран из пар.

И это держание было тем, что он всегда называл собой.

Книга прижималась к его груди, как ребёнок, и он чувствовал сквозь одежду её живое, настойчивое тепло.

Фонарь зажёгся снова. Сам.

На обложке мерцали три круга, вписанные друг в друга.

Внешний, средний, внутренний. И тончайшая, почти невидимая линия, пересекавшая их по касательной — не разрубая, а соединяя, как будто два становятся одним, чтобы снова стать двумя. От линии веяло холодом — не тем, что снаружи, а каким-то запредельным, отчуждённым.

Каин провёл пальцем по линии. Она была холоднее льда, но не обжигала. Скорее — напоминала о чём-то, что он всегда знал и забыл.

Страницы раскрылись сами.

Они не были бумажными. Не были пластиковыми, кристаллическими или какими-либо ещё из известных ему материалов. Они дышали — едва заметно, ритмично, как грудь спящего.

И каждая страница, казалось, тоже была не одна — текст и пустота вокруг него составляли пару, вопрос и пространство для ответа.

Он прочитал первую строку.

Потом вторую.

Потом закрыл книгу, потому что дальше читать было нельзя. Не сейчас. Не здесь.

По его щекам текли слёзы. Он не помнил, когда плакал в последний раз. Кажется, когда умерла Лира. Или когда он понял, что Гул — это не безумие, а язык, и что никто, кроме него, этого языка не слышит. С тех пор — сухость. С тех пор — работа, поиски, карты, туннели, шумовые бури, шрамы.

А теперь — слёзы. Горячие. Живые.

И вместе с ними — странное, ни на что не похожее чувство. Ожидание встречи. Он не знал, с кем и когда. Но книга, лежащая у сердца, обещала: встреча будет. Потому что всё, что разлучено, ищет воссоединения. И найдёт его.

Он прижал книгу к груди и наклонил голову. Не потому, что VERO требовало поклонения. А потому, что в этот миг он чувствовал себя частью чего-то большего, чем он сам. Частью великого разговора. Диалога, в котором каждая реплика — это половина, ждущая своего отклика.

— Я передам ей, — прошептал он в переплёт. Голос сел, охрип, но был твёрдым. — Я не знаю, как. Она ещё не готова. Но я найду способ. Обещаю.

Книга потеплела в его руках. Не вспыхнула, не засияла — просто стала на градус теплее, как становится теплее ладонь друга, когда он сжимает твою в ответ.

Он поднялся. Ноги затекли. Колено опять прострелило болью — резкой, отдающей в бедро. Он поморщился, переждал, пока отпустит, и сделал первый шаг. Потом второй.

Туннель позади начал гаснуть. Ниша, из которой он достал книгу, закрылась бесшумно и плавно, словно её никогда не было. Каин не обернулся.

У выхода его ждал рассвет.

Он вышел из туннеля в проёме старой дренажной шахты и остановился, потому что небо над головой было не просто светлым. Оно было новым. Небо светилось тем самым светом, что струился со страниц книги.

Где-то там, внизу, в долине, просыпалась Айя. Она ещё не знала, что сегодня её наставник принесёт ей книгу. Что с этой книги начнётся путь, который потребует всего. Что однажды она сама напишет книгу, которая будет ждать его в туннеле сорок семь лет.

Каин шёл к Долине, прижимая книгу к груди. Он был старым человеком. Он скоро умрёт. Но сейчас, в этот самый миг, он чувствовал нечто, чему не мог подобрать слов. Не счастье. Не восторг. Скорее — покой. Глубокий, простор-

ный, как небо над головой. Покой от знания, которое больше не было догадкой.

Он шёл, и его левое колено болело.

Он шёл, и книга грела ему грудь.

Он шёл, и рассвет разгорался над Долиной, обещая день, который изменит всё.

А в сумке у него, завёрнутая в старую карту, лежала книга.

И на её обложке, пересекая три круга, темнела тонкая, как волос, линия — не разрез, а мост, соединяющий то, что было двумя, в обещание стать одним.

Пока он молчал.

Но Петля уже сделала свой первый вдох навстречу тому, кто однажды решится с ним заговорить. И частицы, составлявшие Лиру, где-то в ткани мироздания уже начали своё неспешное, неотвратимое движение — обратно. К нему. К себе. К началу нового цикла.

Глава 1.

Шум

Айя никогда не называла это тишиной.

Тишина была пустой — как в рассказах Старших о Великой Заморозке, когда мир замерзал без звука. То, что она слышала всегда, с самого первого вдоха, было иным. Шум. Не голоса, не гул — многоголосый хор, в котором ни одно слово невозможно разобрать. Но в нём была структура. В детстве она думала, что это просто хаос. Теперь, после стольких лет вслушивания, она начала различать: каждая нота в этом хоре не одинока. Она ищет другую ноту. Каждый звук — это половинка, окликающая свою пару.

Это понимание пришло не сразу. Оно вызревало годами, как вызревает в земле семя, невидимое для глаза. Но теперь, стоя на краю Приграничного сектора, она чувствовала его с пугающей ясностью. Мир не просто звучал — он был пронизан тоской. Миллиарды разделённых частиц, каждая из которых помнила, что когда-то была частью целого, искали друг друга сквозь время и пространство.

— Ты опять сбежала без завтрака, — раздался голос за спиной.

Каин. Она не обернулась. Узнала по звуку шагов, по тому, как хрустит под его сапогами стеклянная крошка, смешанная с пеплом. Он подошёл ближе и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— И шнурок у тебя развязан. Упадёшь когда-нибудь в аномалию, а мне потом тебя вытаскивай.

Машинально глянула вниз — правый шнурок волочился по спекшейся земле. Присев, затянула его. Пальцы подрагивали. Не от холода — от предчувствия, которое она научилась распознавать с детства и которое ещё ни разу её не обмануло. Но теперь к этому предчувствию примешивалось что-то новое. Осознание, что её дрожь — это не просто реакция на Шум. Это эхо. Эхо миллиардов разлучённых пар внутри её собственного тела, которые тоже ищут своих половин.

Она поднялась и впервые посмотрела на Каина. Старый, седой, с неизменным посохом в левой руке и книгой в нагрудном кармане — она заметила её краешек, когда он наклонился, чтобы опереться на посох. Книга была новой, незнакомой. От неё исходило тепло — не физическое, а то, другое, которое она научилась чувствовать. Так тепло могло исходить только от вещи, в которой жила чья-то тоска по своей половине.

— Что это? — спросила она, кивнув на карман.

Каин вздрогнул. Едва заметно, но она увидела. Его пальцы сами собой дёрнулись к груди, но остановились на полпути.

— Потом, — сказал он. — Сначала — ты. Что ты чувствуешь?

Она не стала спорить. Вместо этого закрыла глаза и позволила Шуму захлестнуть себя. Обычно он обрушивался на неё тысячей голосов. Но сегодня — впервые — она не просто слышала, а видела. Звуки складывались в нити, нити — в пары. Каждая пара вибрировала в унисон, и от этой вибрации расходились круги по всей ткани реальности. Это было прекрасно. И страшно. Потому что среди этих пар были и те, что разорваны. Она слышала их — обрывки мелодий, осиротевшие ноты, которые звали и не получали ответа.

— Там, впереди, — произнесла она, открывая глаза, — Шум не просто молчит. Он... остановлен. Как будто кто-то приказал реальности замереть. Но это не конец. Это пауза. Очень долгая пауза, которая ждёт.

Каин помолчал.

— Когда я впервые услышал Гул, Кодекс назвал это ошибкой. — Он бросил на неё быстрый взгляд. — Но ошибок не существует. Есть только вопросы, которые ещё не нашли своих ответов. Ты готова идти?

— Я всегда была готова, — ответила она. — Только не знала, к чему.

Она первой двинулась к пелене искажённого воздуха. Переход был мгновенным — и одновременно бесконечным, как падение в сон. Шум в голове взвыл — не от боли, а от резкого перепада плотности. Она чувствовала, как её собственные VERO, те самые частицы, из которых состояло каждое её слово и каждая мысль, реагируют на границу. Они не боялись. Они узнавали.

А потом наступила тишина. Не пустая — звенящая. Наполненная присутствием.

Перед глазами вспыхнули образы — но теперь она видела их иначе. Они не были просто картинками. Каждый образ был двойным. Женщина, стоящая на этом самом месте, — и где-то в другом времени её половина, которую она искала. Мужчина, вырезающий знаки на монолите, — и его пара, ждущая его за Горизонтом. Ребёнок, прижимающийся щекой к холодной поверхности и смеющийся, потому что ка-

мень отвечает ему, — и тишина, из которой этот смех когда-то родился и в которую он однажды вернётся.

А потом — поверх всех образов — он. Человек с тёмными волосами и её собственными глазами. Только теперь Айя видела его не одного. Рядом с ним, на границе зрения, стояла тень — женская фигура, сотканная из того же света, что и он сам. Они были парой. Они были разлучены. И его слова, которые она слышала внутри себя, были обращены не только к ней:

«Я знал, что ты придёшь. Не в этом цикле, так в следующем. Всё, что ты ищешь, уже внутри тебя. Слушай не Шум. Слушай тишину под Шумом. Там — твоя половина. Она ждёт тебя. Как моя ждёт меня».

Айя попыталась ответить — кто ты? — но рот не слушался. Тело больше не принадлежало ей. Она была растворена в этом контакте.

И тогда монолит показал ей конец послания. Тот же человек, но старше, с сединой на висках и шрамом через левую бровь, уходит в дрожащий воздух. Уходит — и на мгновение оборачивается. Его взгляд встречается с её, и в нём она читает не прощание — обещание. «Ты найдёшь меня. Потому что мы — пара. А пары не могут не встретиться».

А потом тишина. И в тишине этой — последнее, сказанное не голосом, а присутствием:

«Цикл не завершён. Тот, кто идёт следом, — заверши. Но помни: ты не одна. Никогда не была одна. Твоя половина уже в пути. Вы встретитесь. Потому что VERO — это возвращение».

Хватка исчезла. Айя отшатнулась и упала на колени. Стеклянная крошка впиалась в ладони. Она хватала ртом воздух, чувствуя, как по лицу текут слёзы — она не заметила, когда они начались. Ладонь горела — на коже остался след. Не ожог — узор. Тонкая линия, закрученная в спираль, в центре которой сияла крошечная точка света. И от этой точки исходило тепло — то самое, которое она чувствовала от книги в кармане Каина.

— Айя! — Каин опустился рядом, подхватывая её за плечи. — Что ты наделала? Я же сказал — медленно!

— Медленно бы не сработало, — прошептала она, всё ещё не в силах отдышаться. — Оно не защищалось. Оно узнало меня. И показало... не просто его. — Она подняла глаза на Каина. — Оно показало, что он — не один. Что у него есть пара. И что они разлучены. И что я... — она запнулась, под-

бирая слова, — что я тоже чья-то половина.

Каин замер. Что-то в его лице изменилось — ушла маска, обнажив что-то уязвимое. Страх. И надежду. И ещё — странное, почти мучительное узнавание, словно она только что произнесла вслух то, что он знал всегда, но не решался сказать.

— Ты давно это чувствуешь? — спросил он. Голос был хриплым.

— С детства. Но я не понимала. Думала, это просто Шум. А это — тоска. — Она прижала ладонь к груди. — Тоска по тому, кого я ещё не встретила. Ты... ты знаешь, кто он? Тот человек из видения?

Каин отвернулся. Молчал долго — так долго, что Айя успела досчитать до тридцати ударов сердца.

— Я знаю, — произнёс он наконец. — Это был искатель. До тебя. Он пришёл сюда сорок лет назад. Он слышал Шум, как ты. И однажды он ушёл за Горизонт — и не вернулся.

— Почему ты никогда не рассказывал мне о нём?

— Потому что боялся. — Каин посмотрел ей прямо в глаза. — Боялся, что ты захочешь пойти по его следам. И ещё...

— Он запнулся.

— Ещё я боялся, что если ты узнаешь, кто он тебе на самом деле, ты возненавидишь меня за то, что я скрывал это так долго.

Айя почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Кто он мне?

— Когда ты дойдёшь до Горизонта, — сказал он, и голос его был твёрдым, несмотря на дрожь в пальцах, — ты всё узнаешь. Не раньше. Но то, что ты увидела сейчас — парность, тоску, возвращение, — это правда. Не только о нём. Обо всех нас. О тебе. — Он помолчал. — Обо мне.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается не гнев — понимание. Слишком глубокое, слишком острое. Он не просто что-то скрывал. Он сам был частью этой тоски. Он тоже искал свою половину. И, может быть, ещё не нашёл.

— Ты тоже слышишь это? — спросила она тихо. — Тоску по паре?

Каин закрыл глаза. Когда он открыл их снова, в них стояли слёзы.

— Я слышу её уже сорок семь лет. С тех пор, как потерял ту, кого любил.

Но я не знал, что это не просто горе. Это — физика. Только теперь начинаю понимать.

Он сунул руку за пазуху и достал книгу. Ту самую. Она светила мягким, пульсирующим светом, и в этом свете Айя увидела три круга на обложке, вписанные друг в друга, и тончайшую линию, пересекавшую их по касательной. Линия была холоднее льда.

— Что это?

— Кодекс, — сказал Каин. — Я нашёл его сорок семь лет назад. Он ждал меня в туннеле под ледяным куполом. И я думаю, что он был написан для тебя. Там, внутри, есть ответы. Не все. Но достаточно, чтобы ты начала свой путь.

— Почему ты не отдал его мне раньше?

— Потому что ты не была готова. Ты должна была сначала услышать тишину под Шумом. И почувствовать свою пару. Теперь — готова.

Она приняла книгу. Та была тёплой, как живое существо, и пульсировала в такт её сердцу. Айя прижала её к груди и

вдруг почувствовала, как внутри неё — там, где всегда была дрожь, — что-то затихло.

Не исчезло — именно затихло. Словно миллиарды её собственных VERO на мгновение перестали искать и просто слушали.

Кодекс на предплечье ожил:

...

[Обнаружено семантическое ядро: «Монолит Первого Цикла».]

[Тип: фрагмент Якоря Пространства (предварительный контакт).]

[Статус: семантическое распознавание... частично.]

[Имя Якоря: не определено. Требуется полная активация.]

[Обнаружена родовая связь. Источник: оператор «Айя». Цель: «Каин». Статус: не активирована. Требуется передача.]

...

Айя прочитала последнюю строку трижды. Родовая связь. С Каином. Не с тем человеком из видения — с Каином. Она подняла глаза на старика, но он уже отвернулся и смотрел на восток.

— Иди, — сказал он. — Первый Якорь ждёт тебя у Моря. Того, что не отражает неба. Там ты поймёшь, что такое Выбор. Но помни: ты не одна. Твоя половина — где-то там. И она тоже ищет тебя.

Он достал из кармана маленький цилиндр — маяк — и вложил ей в ладонь.

— Это на крайний случай. Но я надеюсь, что он тебе не понадобится.

Айя сжала маяк в кулаке. Металл был тёплым. Совсем как книга.

— Ты веришь, что они встречаются? — спросила она, думая о тех, разлучённых, чьи голоса слышала в Шуме. — Пары. Что они находят друг друга?

Каин посмотрел на неё — долго, тяжело, но без печали.

— Я не верю, — ответил он. — Я знаю. Потому что я — одна половина. И я всё ещё ищу. Значит, и моя половина ищет меня. Иначе Шум бы молчал. А он поёт.

Она обняла его — быстро и крепко. От него пахло книжной пылью и маслом для посоха. И ещё — едва уловимо —

той самой тоской, которую она теперь узнавала везде.

— Береги себя, — прошептала она ему в плечо.

Отступила на шаг — и зашагала на восток. Не оглядываясь.

Книга грела грудь. Маяк лежал в кармане. На ладони пульсировал узор — спираль с точкой света в центре, как обещание, что всё закрученное однажды раскрутится обратно. А в Шуме, который теперь звучал иначе — как колыбельная, спетая на два голоса, — она впервые услышала не просто зов. Она услышала ответ. Далекий, едва различимый, но существующий.

Где-то за горизонтом, за пределами карт, её половина уже шла ей навстречу.

И Петля, сделав очередной виток, на мгновение замерла в предвкушении. Потому что впервые за бессчётные циклы её дыхание было услышано не как шум — а как песня. Песня разделённых и стремящихся к единству. Песня, которая никогда не кончается.

Грань вторая.

Слежка

Рэн вышел за восточные ворота в тот час, когда мир ещё не определился — ночь снаружи или уже утро. Он шёл, ведомый не столько приказом Советницы Моря, сколько странным, тревожащим чувством в груди — словно внутри него натянули струну, и теперь она гудела в унисон с чем-то огромным и невидимым, что просыпалось за горизонтом.

Он не знал слова «семантический». Он вообще многого не знал, и раньше его это устраивало. Но в последние дни незнание перестало быть удобным. Оно стало тесным, как старая одежда, из которой вырос. Три дня он шёл за Айей, держась на расстоянии, перебегая от камня к камню. Три дня наблюдал, как она разговаривает с пустотой, как воздух вокруг неё сгущается и дрожит, как спекшаяся земля под её ногами на мгновение становится прозрачной, обнажая слои другой, нездешней реальности.

Он видел достаточно, чтобы понять: это не безумие. Это — дверь. И она приоткрыта.

К концу третьего дня Кодекс на его предплечье — старая татуировка, которая молчала с рождения, — начал теплеть.

Сперва едва заметно, как нагретый солнцем камень. Потом — настойчивее. Теперь он пульсировал в такт сердцу, и в этом пульсе Рэну чудился ритм, который он не мог распознать, но который казался странно знакомым. Так звучит колыбельная, которую ты помнишь не памятью — телом.

На четвёртый день они вышли к поляне, покрытой спекшимся стеклом. Рэн спрятался за оплавленным валуном и увидел то, что перевернуло всё.

Айя стояла перед Монолитом — чёрным, матовым, поглощающим свет. Она прижала ладонь к поверхности, и в этот миг мир изменился. Рэн почувствовал это кожей — волна прошла сквозь него, как будто реальность на мгновение стала водой. Воздух загустел. В ушах зазвенело. А потом Кодекс обжёг предплечье так, что он вскрикнул и зажал рот рукой.

Перед глазами вспыхнула строка — не системная, не информационная. Дрожащая, как отражение в воде, в которую бросили камень:

«Папа, не уходи. Я буду слушаться. Пожалуйста».

Детский почерк. Корявые буквы. И в них — такая бездна тоски и страха, что Рэна качнуло. Это была не его память. Его отец не уходил — он умер, тихо и буднично, когда Рэну

было пять. Но сейчас, в этом дрожащем мареве, старая рана открылась, и он вдруг понял: то, что он всю жизнь считал забытым, никуда не исчезло. Оно просто ждало своего часа. И час настал.

Он смотрел, как Айя отшатнулась от Монолита и упала на колени. Как появился Каин — старый, седой, с посохом, — и склонился над ней. Как они говорили, и Рэн, не слыша слов, чувствовал их смысл: они говорили о том же, о чём пел Кодекс на его руке. О разлуке. О возвращении. О парах, которые ищут друг друга сквозь время.

А потом Каин достал книгу.

Рэн никогда не видел таких книг. Она светилась — не отражённым, а собственным светом, мягким и тёплым, как живое существо. И когда Айя прижала её к груди, Рэн почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. Не зависть — узнавание. Словно он тоже когда-то держал такую книгу. Или будет держать. Или держит прямо сейчас — только не руками, а чем-то другим, чему у него не было названия.

Когда Айя ушла на восток, а Каин остался стоять у края поляны, Рэн выбрался из укрытия. Он не собирался этого делать. Приказ был — следить, не вмешиваться. Но Кодекс больше не спрашивал. Он требовал.

Он подошёл к Монолиту и остановился в шаге от чёрной, матовой поверхности. Под ногами хрустнуло — маленькая, светящаяся чешуйка. Он наклонился, поднял её. Холодная. Но когда он сжал её в пальцах, она вдруг потеплела, и перед глазами снова вспыхнула та самая строка. Та самая детская мольба.

И вместе с ней — образ. Женщина, склонившаяся над ребёнком. Её лицо было размытым, но руки — ясные, тёплые, живые. И ребёнок, пишущий эти буквы, тянулся к ней, но не мог дотянуться. Потому что между ними уже вставала стена — та самая, которую Рэн чувствовал всю жизнь. Стена между «здесь» и «там». Между живыми и ушедшими. Между половинами, которые когда-то были одним целым, а теперь ищут друг друга и не могут найти.

Рэн разжал пальцы. Чешуйка всё ещё светила, но теперь её свет был другим — не холодным, а ровным и спокойным. Как свет в окне дома, куда можно вернуться.

— Ты не один, — прошептал Рэн, сам не зная, к кому обращается. К ребёнку, написавшему те слова. К отцу, который ушёл. К себе самому — пятилетнему, так и не понявшему, почему мир устроен так, а не иначе. — Ты никогда не был один. Просто ты этого не знал.

Он сунул чешуйку в карман — рядом с тёплым кристаллом, который подобрал три дня назад на берегу Моря. Два предмета. Два молчаливых вопроса. И где-то глубоко внутри — ответ, который он ещё не мог облечь в слова, но уже чувствовал как тихое, ровное тепло под сердцем.

Приказ Совета был прост: следить и докладывать.

Но что-то в Рэне изменилось. То, что началось с приказа, теперь стало чем-то иным — зовом, идущим изнутри. Он не мог бы сказать, когда это произошло. Может быть, когда он увидел свет, струящийся из ладоней Аий. Может быть, когда Кодекс обжёг предплечье детской мольбой. Может быть, только что — когда он подобрал чешуйку и сказал вслух: «Ты не один».

Но факт оставался фактом: он больше не был просто исполнителем. Он стал свидетелем. А свидетель — это тот, кто видел и уже не может забыть.

Рэн посмотрел на восток, где скрылась Аяя. Потом на запад, в сторону Долины, где ждала Мора со своим холодным камнем и со своей бесконечной, невыплаканной болью. Он подумал о том, что, возможно, и она когда-то стояла перед таким же выбором — и выбрала не искать, а охранять. И теперь он должен был решить: вернуться к ней с докладом или

пойти следом за Айей, в неизвестность, из которой не возвращаются прежними.

Он пошёл на восток.

Не потому, что ослушался приказа. Не потому, что повелел в то, чего не понимал. А потому, что впервые в жизни ему показалось: он идёт не «от», а «к». К чему-то важному. К чему-то, что касалось не только Айи и Каина, но и его самого.

К тому, что было потеряно и теперь — он знал это так же ясно, как знал своё имя, — обязательно найдётся.

А в небе над поляной, угасая, мерцали три круга, вписанные друг в друга. И тончайшая, почти невидимая линия пересекала их по касательной — не разрубая, а соединяя. Как будто два становились одним, чтобы снова стать двумя.

Петля сделала очередной вдох.

И в этом вдохе, в этом вечном ритме деления и встречи, Рэн — сам того ещё не зная — занял своё место.

Место искателя, который однажды тоже возьмёт в руки Кодекс.

И прочитает первую строку.

И скажет: «Я помню».

Глава 2.

Море

Море не лгало.

Оно молчало — и в этом была его честность. Айя стояла на берегу, где спекшаяся земля обрывалась в воду без перехода: ни пены, ни влажного песка, ни запаха соли. Только стеклянная крошка под ногами да зеркальная гладь, уходящая к горизонту. В ней не отражалось небо. Вместо туч и бледной синевы на поверхности мерцали звёзды — чужие, немигающие, пристальные. Они смотрели на неё. Ждали.

Она не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она вышла из восточных ворот. Два дня. Может быть, три. Часы на предплечье Кодекса сбились ещё вчера и теперь показывали одно и то же: ноль. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд.

Она сбросила сапоги. Холод стеклянной крошки под босыми ступнями был простым и честным — первая настоящая боль за много дней. Она сделала шаг. Вода у самых ног не плеснула — расступилась, втянула ступню мягко, жадно, как вытягивает затянувшаяся рана. По коже поползло тепло.

Айя помедлила. Достала из кармана монету — старую, с

истёртым профилем, найденную в руинах шесть лет назад. Сжала в кулаке так крепко, что края впились в ладонь. И вошла в море целиком.

Мир перевернулся.

Не было больше воды, берега, неба. Не было тела. Айя висела в пространстве без измерений, и то, что мгновение назад было ею — имя, память, страх, — распалось на миллиарды нитей. Каждая нить светилась. Каждая была жизнью. Жизнью, которая могла бы случиться, но не случилась.

Она увидела их все одновременно.

Вот она стоит на пороге дома — не того, что в Долине, а другого, сложенного из светлого камня, увитого виноградом. Из трубы поднимается дым. На деревянном столе — чашка с молоком, краюха хлеба. У окна сидит мужчина с усталыми, добрыми глазами и что-то чинит — кажется, детскую игрушку. В соседней комнате смеются дети. Двое. Или трое? Она не может сосчитать — видение дрожит, как отражение в воде.

Она чувствует запах нагретого солнцем дерева. Слышит

скрип половиц под босыми ногами. Ощущает тяжесть простого льняного платья на плечах.

В этой жизни нет Шума. Нет голосов, которые рвут голову по ночам. Нет Каина с его невысказанными тайнами. Нет монолитов, Якорей, пустошей. Есть только дом. Только муж. Только дети, которые смеются за стеной.

И Айя хочет остаться.

Не как мудрая искательница, отвергающая соблазн. Не как та, кто выбирает путь. А просто — как женщина, которая смертельно устала и увидела покой. Она хочет этого так сильно, что ей плевать на всё остальное.

Плевать на Каина. Плевать на того человека из видения с её глазами. Плевать на Шум, который где-то там, снаружи, ждёт её возвращения.

Она хочет остаться. И она остаётся.

Делает шаг к дому. Потом ещё один. Протягивает руку, чтобы коснуться дверного косяка — и в этот миг монета в её кулаке обжигает холодом.

Не тепло Моря. Не свет несбывшейся жизни. А простой, физический холод металла — той самой монеты, которую

она подобрала в руинах шесть лет назад и таскала с собой без всякой причины. Холод отрезвляет, как пощёчина.

Айя отдёргивает руку. Смотрит на монету. Потом на дом. Потом снова на монету.

И понимает: она не может остаться. Не потому, что она сильная. Не потому, что она избранная. А потому, что если она сейчас войдёт в эту дверь, то всю оставшуюся жизнь — сколь бы счастливой она ни была — будет знать, что сбежала. И это знание отравит всё. И смех детей. И запах хлеба. И руки мужчины, которые обнимут её вечером.

Где-то глубоко, под слоем желания остаться, она ощутила странную лёгкость — как будто те, кто в этой жизни были бы её детьми, уже существовали где-то ещё и просто ждали другого воплощения. Не отмены — отсрочки.

Она разжимает пальцы. Отступает на шаг. Видение дрожит, как отражение в воде, в которую бросили камень.

— Нет, — говорит она вслух. Не торжественно. Зло. — Нет, я не останусь. Не потому, что так надо. А потому, что вы — не настоящие. Вы — то, чего не случилось. А я — то, что случилось. И я не променяю это на вас.

Дом исчезает. Остаётся только море. И монета в кулаке. И пустота внутри — такая глубокая, что Айя на мгновение теряет способность дышать.

Море показало ей семь жизней. Или семьдесят семь. Она сбилась со счёта. В каждой она была другой. Женой. Матерью. Воином. Целительницей. В каждой она была счастлива. В каждой Шум отсутствовал.

И в каждой она отказывалась. С каждым разом — всё труднее. С каждым разом — всё злее.

После третьей жизни она перестала колебаться. После пятой — перестала плакать. После седьмой — просто стояла и смотрела, как очередная несбывшаяся жизнь тает перед глазами, и чувствовала только одно: глухую, невыносимую ярость. На Море — за то, что оно показывает ей то, чего у неё никогда не будет. На Каина — за то, что он отправил её в этот путь и ничего не рассказал. На того человека из монолита — за то, что он посмел иметь её глаза и не посмел вернуться.

И на себя. За то, что она всё равно идёт.

Когда погасло последнее видение, Айя осталась одна в темноте. Она думала, что всё кончено. Она ошиблась.

Из тишины выступила та, кого она уже знала, хотя никогда не видела.

Растворившаяся не была фигурой. Она была отсутствием фигуры — пространством, свёрнутым в подобие человеческой формы. Полупрозрачная, мерцающая, как вода в жаркий полдень. Её лицо было лицом Айи — но лишённым всего, что делает лицо живым. Ни морщинки. Ни тени у губ. Ни следа от слёз или улыбки.

— Ты устала, — сказала она. Слова не звучали — они просачивались прямо в сознание. — Тебе страшно. Ты не хочешь терять. Отдай мне всё это.

Она протянула руку — медленно, почти нежно. Айя смотрела на эту руку и чувствовала, как её собственное тело, только что бывшее таким реальным, начинает терять вес. Её тянуло к этой руке. Не как к спасению. Как к концу.

Она могла бы остаться. Она знала это так же ясно, как знала, что монета в её кулаке всё ещё холодна. Не смерть. Освобождение. Не исчезновение — возвращение к истоку, где нет «я», нет боли, нет выбора.

И на одно короткое, обжигающее мгновение она захотела этого.

Потом она вспомнила дом. Тот самый, из первого видения. Вспомнила запах хвои и смех за стеной. Вспомнила, как отдёргнула руку.

И разозлилась снова.

— Нет, — сказала она. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Я не отдам. Это моё. Вся эта боль, вся эта усталость, всё это дерьмо — оно моё.

Я заработала его. Я прошла через него. И я не отдам его тебе только потому, что ты предлагаешь покой.

Растворившаяся молчала. Айя шагнула к ней — не для удара, не для объятия. Просто чтобы оказаться лицом к лицу.

— Ты хочешь взять? Возьми другое.

Она извлекла из себя воспоминание. Всего одно. Самое простое, самое тёплое: запах хвои, смех матери, ветер, вздувающий белые простыни на верёвке. Обычный день из обычного детства — того, что было у неё, а не у её несбывшихся версий. Она вложила это воспоминание в ладонь Растворившейся — не как плату, не как жертву. Как подачку.

— Возьми. Мне не жалко.

Растворившаяся вздрогнула. Её полупрозрачные пальцы сомкнулись на светящейся грозди — и впервые за бессчётные циклы её лицо изменилось. По нему пробежала рябь эмоций. Узнавание. Грусть. Почти что радость.

— Я помню, — прошелестела она. — Я помню хвою. Её смех.

И она улыбнулась — по-настоящему. А потом исчезла, оставив в воздухе горсть тёплых, пульсирующих кристаллов. Море выбросило Айю обратно на берег.

Она упала на колени в стеклянную крошку, закашлялась, жадно глотая воздух — пыльный, холодный, пахнувший камнем и сухим ветром. Болело всё: рёбра, ладони, горло. Одежда промокла насквозь. Она стояла на четвереньках, и её рвало — не водой, а чем-то светлым, что таяло, не долетая до земли.

Когда спазмы прекратились, она поднялась на ноги, пошатываясь. Море за её спиной было всё таким же зеркальным — но теперь в нём отражалось небо. Обычное, серое, живое небо с рваными краями облаков.

Кодекс на предплечье ожил:

...

[Обнаружено семантическое ядро: «Обитель Неставших».]

[Тип: Якорь Пространства (Первый из Пяти).]

[Статус: семантическое распознавание завершено.]

[Имя Якоря: «ВЫБОР».]

[Глубинный резонанс повышен до уровня 2.]

...

Айя прочитала строки. Потом вытерла рот рукавом. Потом сплюнула в стеклянную крошку.

— Выбор, — сказала она вслух, и голос её прозвучал глухо, сипло. — Значит, это был выбор.

Она нагнулась, подобрала с земли один из кристаллов, оставленных Растворившейся. Он был тёплым. Она сунула его в карман — рядом с монетой, рядом с маяком. Три предмета. Три якоря, удерживающих её в реальности.

Пальцы дрожали. Она поднесла руку к глазам и долго смотрела на эту дрожь. Не как на знак. Не как на дар. Как на шрам — такой же, как тот, что остался на ладони после монолита.

Она поправила заплечную сумку и, прихрамывая, зашагала на восток. Где-то там, за горизонтом, лежал путь к Саду Предков. Где-то там ждал человек с тёмными волосами и её собственными глазами. Где-то там дышала Петля — или не

дышала, ей было всё равно.

Она шла и ненавидела Море. Ненавидела за то, что оно показало ей дом. За то, что оно заставило её выбирать.

За то, что она выбрала — и теперь никогда не сможет забыть, от чего отказалась.

Она шла, и ветер выбивал слёзы из глаз. Она не замечала их.

Впереди лежал путь. И она его пройдёт. Не потому, что она сильная. Не потому, что так надо.

А потому, что она уже заплатила за него — и теперь хочет получить своё.

Глава 3.

Сад

Корни расступились без прикосновения. Айя не успела испугаться, как земля ушла из-под ног, и она провалилась — не вниз, а внутрь. Внутрь самой ткани, где предки не спят. Ждут.

Первым пришёл голод.

Он пронзил её тысячей пустых животов, скрутил внутренности чужой многовековой нуждой. Айя стала женщиной, которая делила последнюю корку с мёртвым ребёнком и не могла понять, зачем жуёт, если он уже не дышит. Она стала мужчиной, который шёл через ледяную пустошь и на каждый шаг тратил не калорию — молитву. Она стала старухой, которая ела кору и плакала не от голода — от унижения. Айя кричала их голосами, и крик её был многоголосым стоном всех, кто умирал с пустым желудком и полным сердцем.

Потом пришёл холод. Не тот, что снаружи, — тот, что внутри. Холод брошенных детей. Холод женщин, проводивших мужей в последний рейс и знавших, что не вернуться. Холод отцов, которые не смогли защитить. Айя леденела в сотне тел одновременно и не могла умереть — потому что

они уже умерли, а она должна была прожить их смерть до конца.

А потом хлынула вина. Чёрная, маслянистая, невыносимая. Вина выжившего. Вина того, кто съел чужой паёк и теперь носит в себе чужую жизнь. Вина того, кто не успел попрощаться. Вина того, кто предал — словом, молчанием, взглядом — и никогда не признался.

Айя растворилась в них. Перестала быть. Стала почвой.

И когда последняя крупца отдельности готова была погаснуть, хор смолк. Наступила тишина — не пустая, а полная присутствия.

Из неё выступила фигура, сотканная из множества лиц. Они текли одно сквозь другое, как слои воды, и в каждом Айя узнавала черты своих — тех, кого никогда не видела, но всегда знала. Фигура не говорила. Она ждала.

И в этом ожидании был вопрос, который не нуждался в словах.

А потом пространство раскрылось, и Айя увидела ветвь. Одну. Багровую, горящую не светом, а возможностью. На ветви сидел Орион — живой, ещё не знающий, что через час его сердце остановится. Он смотрел на свои руки, сложенные

на коленях, и лицо его было спокойно. Так спокойны бывают только те, кто уже всё решил.

Айя не услышала предложения. Она стала им. Она почувствовала, как ветвь приглашает её — не словами, а самым сдвигом реальности. Один шаг — и она окажется там. Сможет схватить его за плечо. Крикнуть. Оттащить. Спасти. Орион выживет. Вернётся к Элире. Кай вырастет с отцом. Вся тяжесть, которую она только что прожила — голод, холод, вина, — будет стёрта из истории её рода. Не будет вдов. Не будет сирот. Не будет травмы, которую она носит в себе как наследство.

И Айя протянула руку.

Не как мудрая искательница, принимающая неизбежное. Как человек, который увидел шанс прекратить боль — свою, их, всех, — и уже не мог думать ни о чём другом.

Её пальцы коснулись коры. Багровая ветвь была тёплой. Живой. Она пульсировала под рукой, как сердце.

Айя сжала её.

И в этот самый миг — когда реальность уже начала меняться, когда воздух задрожал, когда где-то далеко, за пределами Сада, время потекло вспять, — она увидела его лицо. Лицо Ориона. Не то, что было на ветви, — спокойное,

решительное. Другое. То, которое возникло бы через мгновение, когда он понял бы, что его остановили.

В его глазах не было благодарности. Был ужас. Ужас человека, у которого только что отняли его выбор.

И тогда Айя отдёрнула руку. Не от мудрости. Не от понимания. От животного, ледяного страха перед тем, что она едва не сделала. Она хотела спасти его — а вместо этого украдала бы у него всё. Его решение. Его жертву. Его смерть. То единственное, что принадлежало только ему.

Ветвь исчезла. Орион исчез. Айя осталась стоять в пустоте, прижимая руку к груди, и её трясло — не от холода, не от голода, а от стыда. Она почти сделала это.

Почти переписала историю. Почти стала тем, кто решает за других.

— Прости, — прошептала она. Не Ориону. Себе. — Прости. Я не должна была.

И заплакала — впервые за всё время в Саду. Не от боли. От унижения.

Сквозь слёзы она увидела, как багровый след на ладони — тот самый, от прикосновения к ветви, — на мгновение стал золотым. Не исцелился. Но словно кто-то невидимый

коснулся его губами и сказал: «Ты выбрала правильно. Боль других — это их свобода. Храни её».

Хранитель не осуждал. Он просто стоял рядом — фигура из множества лиц, — и ждал. Айя вытерла слёзы рукавом. Посмотрела на свою ладонь — на ней остался след. Багровый, как кора ветви, к которой она прикоснулась.

— Это останется? — спросила она.

Хранитель не ответил. Но Айя и так знала: да. Останется. Как напоминание о том, кем она могла стать. О том, что она почти стала.

Она сжала ладонь в кулак.

И тогда из тишины выступил тот, кого она уже видела краем глаза. Маленькая фигура. Мальчик. Он не был частью хора. Он стоял отдельно, и от него исходил холод — не тот, что она прожила, а другой, запредельный, абсолютный. Холод не нужды, не смерти, не вины. Холод отказа.

Айя не знала его имени. Но она узнала его суть — ту самую трещину, которую чувствовала с первых дней своего дара. Тот, кто умер в начале начал и чья последняя мысль была не молитвой — проклятием. «Пусть мою боль не исцелят. Пусть меня не растворят в узоре. Пусть я останусь собой.

Навсегда».

Она опустилась перед ним на колени. Не для того, чтобы исцелить. Просто чтобы быть на одном уровне.

— Я не знаю, что тебе нужно, — сказала она. — Я не знаю, как тебе помочь. Я даже не знаю, хочешь ли ты помощи. Но я тебя вижу. Этого достаточно?

Мальчик не ответил. Он просто смотрел на неё — пустыми, древними глазами, — и холод, исходивший от него, стал чуть тише. Не теплее. Именно тише.

Айя поднялась. Внутри неё звучал хор — сотни сердец бились в унисон, но теперь к ним добавилась одна молчащая нота. Мальчик, который не пел. И эта нота не была фальшивой. Она была тоникой. Тем, вокруг чего строится вся музыка. Тем, что не даёт гармонии стать плоской.

Она вышла из Сада не победительницей. Она вышла той, кто почти предала. Почти стала тем, кого презирала всю жизнь, — человеком, который решает за других. Той, кто до сих пор чувствовала багровый след на ладони и не знала, смоемся ли он когда-нибудь.

Кодекс на предплечье ожил:

...
[Обнаружено семантическое ядро: «Сад Предков».]
[Тип: Якорь Жизни (Второй из Пяти).]
[Статус: семантическое распознавание завершено.]
[Имя Якоря: «СВЯЗЬ».]
[Предупреждение: полная активация невозможна.
Требуется передача.]
...

Айя прочитала строки. Потом посмотрела на свою ладонь. Багровый след всё ещё был там — и она знала, что он останется надолго.

— Связь, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо. — Значит, это была связь. А я почти порвала её.

Она сжала ладонь в кулак — так крепко, что ногти впились в кожу, — и зашагала прочь от Сада. Не оборачиваясь.

Где-то впереди лежал путь к Третьему Якорю. Она не знала, что её там ждёт. Но теперь она знала другое: она не та, кем себя считала. Она слабее. Она уязвимее. И она способна на то, чего сама от себя не ожидала.

Это знание не делало её мудрее. Оно делало её злее.

Но, может быть, это и было нужно.

Она шла уже несколько часов, когда заметила его. Каин сидел на камне у тропы, опираясь на посох. Он не спрашивал, как всё прошло. Он просто посмотрел на неё — и отвёл глаза.

— Ты видела его, — сказал он. Не спросил.

— Да.

— Ты почти сделала это.

Айя остановилась. Посмотрела на свою ладонь. След стал бледнее, но не исчез.

— Откуда ты знаешь?

Каин помолчал. Потом медленно поднялся.

— Потому что я тоже проходил Сад. Давно. И я не отдёргнул руку.

Айя замерла. Каин смотрел куда-то в сторону, и лицо его было старым — старше, чем обычно, старше, чем она когда-либо видела.

— Я спас его, — сказал он тихо. — Того, кого любил. Я схватил ветвь. Я изменил прошлое. И потом я жил с этим. С тем, что украл чужой выбор. С тем, что тот, кого я спас, смотрел на меня потом — и в его глазах не было благодарности. Только пустота. Потому что он знал: он должен был умереть. А я не дал ему.

Он повернулся к Айе.

— Ты оказалась сильнее меня. Ты отдёрнула руку. Я — нет.

Айя долго смотрела на него. Потом покачала головой.

— Я отдёрнула не потому, что я сильная. Я отдёрнула, потому что испугалась.

— Это и есть сила, — сказал Каин. — Страх перед тем, что ты можешь сделать с другими. Не перед тем, что другие сделают с тобой. Перед тем, что ты сама способна натворить.

Он отвернулся и пошёл по тропе — медленно, прихрамывая. Айя смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри неё что-то переворачивается. Она всю жизнь считала Каина тем, кто всё знает. Тем, кто прошёл через всё и не сломался. А теперь она узнала: он сломался. Просто никто не видел тре-

ЩИНЫ.

Она сжала ладонь в кулак. Багровый след пульсировал — слабо, но настойчиво. Как напоминание. Как предупреждение.

И пошла следом.

Глава 4.

Тень

Багровые тучи висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Айя стояла на краю Расщелины и смотрела в темноту, которая не была просто отсутствием света. Воздух дрожал — не от жара, а от того особого напряжения, которое она уже научилась распознавать. Ткань реальности истончалась, и сквозь неё проступало что-то, чему не было названия.

Из глубины тянуло холодом. Не тем, ледяным, что сковывает тело, а другим, внутренним, какой бывает только в мыслях, от которых хочется зажмуриться.

После Сада прошло два дня, но головокружение не утихло. Сотни сердец бились в груди, и каждое напоминало о себе по-своему. И ещё — багровый след на ладони, который никак не сходил. Айя тёрла его по ночам, но он только разгорался ярче.

Она спрыгнула вниз.

Падение длилось дольше, чем позволяла физика. В какой-то момент она перестала ощущать тело — только сознание, невесомое и обнажённое, падало сквозь слои реально-

сти. А потом — твёрдая поверхность под ногами.

Зал.

Огромный, уходящий в бесконечность. Свет без источника — ровный, бесстрастный, как операционная лампа. И в этом свете — зеркала. Тысячи. Они парили в пустоте, образуя бесконечную анфиладу.

Айя подошла к ближайшему. Отражение не повторяло её движений. В серебристой глубине стояла девочка лет восьми — с такими же глазами, но пустыми, широко распахнутыми. Вокруг девочки дрожал воздух — неконтролируемый резонанс, тот самый, что когда-то едва не свёл с ума саму Айю. Но здесь, в зеркале, никто не пришёл, чтобы взять её за руки. Никто не остановил вибрацию. Девочка кричала беззвучно, и этот крик, застывший в серебре, был страшнее любого звука.

— Твоя первая вероятность, — раздался голос. — Ты могла сойти с ума в восемь лет. Но выжила. И каждый день с тех пор — это кража у неё. Ты живёшь её жизнью, а она осталась здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.